

Занятия кончились, я пропустил последнее, после чего Сапа вкратце рассказал основное и предложил рвануть куда-нибудь. Я отказался, даже в Трисмегист не пойду, ибо тот вал ответственной информации, что получил недавно, требует обдумывания. Да и случай с “договором” обращаться за “полежать на коленях” меня до сих пор вгоняет в краску. Сапа же вдруг вспомнил о “Рыцарях Сети”, хлопнул по лбу и убежал, сетуя на глупость по пути. Настроение у меня начинало ухудшаться.

Вскоре я уже катился на велосипеде, вращая педали без особого усердия – домой совсем хотелось. Голова вроде пустая, возникают обрывки соображений, но только начинаю обдумывать, как они тают. Всё смешалось: учёба, председатель, Трисмегист, Имперский Совет, заграничные земли... Мир расширился слишком быстро, а мера моей ответственности – нет, хочу всё бросить и предаться безделью... Да, это мысли слабака, но следует признаться себе в них. Если не перед собой, то перед кем быть честным? Я многое взвалил на себя, а хотел лишь любоваться председателем Бастиона, пообещал спасти, но хотел-то просто видеть Агнию счастливой! Куда я лезу, вообще?! Я деревенский парень из Тохи, что приехал в столицу получить лучшее образование... Потолок – хорошая работа и простое житейское счастье, но сейчас ситуация закрутилась, словно змея перед броском.

Вокруг проплывают знакомые дома, пребывая в раздумьях, не заметил как приехал к дому Агнии. Зелень, с вкраплениями осени, что полнит округу, на территории семьи Волох теснима сочной, крепкой и огромной травой. Вспомнился весельчак Сапа, а следом и Агния – милый ангелок. Привиделись её серые озёрца глаз, что ещё недавно смотрели так доверчиво и проникновенно, а губки сказали важные, нужные и значимые слова для любого мужчины. Сказали с такой кристальной честностью и наивностью, что только ради этого момента стоит жить. Больно рванул душу стыд, опалил лицо и уши. Я вжал тормоза, чуть не перевернувшись. С досады щиплет глаза. Кто, кроме меня спасёт их?! Ответ прост – никто! Поэтому, нужно идти, а вернее делать. И нет разницы, как ты при этом выглядишь, достаточно ли эпичности, веет ли пафосом, стилем. Простое и невзрачное дело, доведённое до конца – лучше любого самого громкого и яркого пустоцвета.

Как облачко тумана, вот ещё недавно плотное и большое, но вдруг растаявшее, так и нашедшая было слабость, а после серьезность, растаяли под лучами приподнявшегося настроения. Я уже с привычного ракурса оглядел ситуацию и даже рассмеялся, обратив внимание пожилой пары, что и так удивились резкой остановке. Скоро мы снимем проклятие и это главное, а всякие там кованы и ордены пока лишь мираж.

Прошло два дня. Пропущенное занятие уже навёрстано, домашнее задание выполнено и я с удовольствием играю в градостроительный симулятор. Его прекрасный саундтрек льётся из новеньких колонок, добавляя плюс сто к привлекательности игры.

Пластина смартфона где-то правее мышки. Экран вспыхнул и беззвучный режим отработал дробью вибрации – сообщение от Вероники:

“Матус, добрый вечер!

Давай я завтра заеду утром, а после занятий мы отправимся ко мне? Это в рамках недавнего обсуждения. Ты не против?”

С трудом справился с пальцами, что бы не написать провокационное сообщение, могущее хоть немного отобразить букет прекрасных эмоций и чувств, что вызывает председатель. Наконец пишу:

“Привет, Вероника)

Очень радостно получить твоё скорое письмо!) Я совсем не против, даже скорее всецело за!”

Тут же ответ:

“Хе-хе! Скорое письмо?”

“Ага) В прошлом же было т.н. “ускорение” для почты)))”

Мы ещё немного попереписывались, а после вновь пошла игра. Только сделал потише – соседские близняшки уже легли спать.

Смешно косолапя из-за живота, мама ходит по кухне, по привычке встав рано – готовит завтрак. Я только спустился. Наблюдаю за ней с благодарностью и умилением. Надо предупредить, что Вероника заедет.

– Что? И ты опять молчал до упора, Рыжик?! – воскликнула она после.

– Ну, мы только вечером договорились, мам, – как казалось, парировал я.

– Опять эти “ну” – всё, будешь помогать теперь! – упёрла она руки в бока, сердясь, конечно, в шутку.

– Это в чём?

– Готовить достойный завтрак! У нас час времени максимум. А ну, просыпайся!

Мама точно умеет колдовать, потому, как эту скорость, дразнящие ароматы и удивительную красоту, с которыми появились блюда на столе, объяснить иначе нельзя. Ещё в самом начале мама надела на меня и себя фартуки, поэтому когда раздался звонок в дверь и я вышел в чём было, глаза Вероники распахнулись в большом удивлении.

– Доброе утро, Матус! У вас событие? – спросила гостя.

– Доброе! – рассмеявшись от меткости вопроса, отвечаю я. – Проходи, пожалуйста.

Отступил и отвечаю:

– Можно и так сказать, но ты главный гость.

– Благодарю, – приняла приглашение девушка. – Я подобающе выгляжу для столь радушного приёма?

Глаза возопили от эстетического удовольствия, взглянув на Веронику более обстоятельно. Чёрно-льдистая форма готова хоть на приём к Оргусу – ни складочки, ни пылинки. Льдистые контуры прекрасно подчёркивают весь аристократизм Вероники, в том числе длину и тонкость шеи. Вновь выделяются фиалковые глаза, обрамленные густыми тёмно-русыми ресницами, а такого же цвета волосы, собраны в шишку на затылке и укрыты сеточкой с сапфировой крошкой. Я словно наяву вижу роскошь чуть волнистых, длинных волос Вероники. Статный высокий лоб и ни единой пряди не выбивается из под строгой причёски. Надо заметить, что отсутствие иных украшений никак не сказывается на идеальном облике председателя, ведь она сама украшает любое место, где пребывает.

Я уже почти собрался высказать в краске всё, что увидел и понял, как Вероника прижала палец к губам.

– Матус, мне сейчас с твоей мамой беседовать, – шёпотом заговорила она, – но спасибо за оценку.

– Так! А о чём вы тут... Ой! – вдруг воскликнула мама, вышедшая в коридор узнать, почему мы не идём. – Вероникушка! Боже мой, какая ты красивая! Дай обниму, куколка ты моя!

Эту ауру доброжелательности, нежности и любви, может испускать только моя мама, что на радостях действительно может и родить. Я заметил, что перед тем, как оказаться в волнах маминых объятий, Вероника сложила некую фигуру из пальцев и повела ей. Выпускать “свою куколку” мама не хотела, но на мои увещевания согласилась держать за руку. Так мы пришли на кухню, а сверху уже слышались шаги папы.

Вскоре мы уже расселись за столом, превратившимся в источник пиршества маминой магией, да моей скромной помощью. Я и папа наперебой взялись нахваливать еду, стараясь успеть попробовать всё до прихода сытости. Вероника же ест столь эстетично, что папу и меня можно принять за дикарей на приёме у знати. Мама нас поблагодарила, но я понимаю чего жаждет – мнения от Вероники – мы-то, счастливики, каждый день вкушаем её изысканные блюда.

Гостья отложила инструменты и легонько коснулась рта салфеткой. Сделала глоток сока. Тохийского, кстати.

– У Вас, Ансельма, можно брать уроки лучшим поварам Симфонии, но, считаю, всё равно будет не так вкусно, – отзывался официальный отзыв. – Спасибо, очень вкусно.

Последние слова Вероника произнесла с редкой открытостью и чувством. Меня взволновал и тембр, и тёплая вибрация. Мама, понятное дело, всплакнула и сама взялась благодарить и нахваливать гостью. Мы с папой, наблюдая такое, лишь укрепились в чувстве ответственности перед столь нежными существами.

Мы вновь в салоне лимузина, я – слева, Вероника – справа. Лица довольные, а настроение великолепное. Дорога в школу обычно не долгая, но каждый момент особо ценен. Я уже рад, что согласился поехать и ведь впереди ещё комната с артефактами.

Попрощавшись с дядей Вадо, выходим вместе. Часть учеников, что втягивалась в ворота, решили пропустить председателя и я оказался под прицелом множества глаз. Глянул на Веронику. Выражение лица серьёзное, взгляд острый, устремлён вдаль. Я постарался и сам соответствовать.

Вскоре стало не до взглядов – учёба подхватила мощным потоком и выбросила к крыльцу Бастиона только в обед. Вновь жду Веронику. Впереди очень важный момент, поэтому немного волнуюсь, и оглядывая знакомый двор с деревьями, скамейками и флагштоками, дал мыслям убежать подальше в мечты и воображение. На небе ползёт вата облаков, а на земле гуляет ветерок, бросаясь иногда листьями, подхваченными под деревьями. Пахнет, вся эта благодать, прекрасно.

– Бу-у-у! – раздалось сзади, с мягким тычком в рёбра.

– А-а-а! – заорал я, чуть ли не подпрыгнув.

Вероника расхохоталась от удачной проделки, а я поддержал, хоть и нервно ещё. Сверкают глаза, полные озорства.

– Задумался что-то, – решил пояснить я.

Мы начали спускаться, а Вероника произносит:

– Не только.

– В смысле?

– Я воспользовалась магией скрытности. А ещё вспомни, что мы не первый раз приезжаем вместе, а такое активное внимание со стороны учащих было только сегодня.

Я удивлённо покосился на председателя, прокручивая в памяти те разы. И в правду, тогда мы словно деталь в хорошо смазанном пазу, проходили обыденно и даже буднично.

– Это удивительно! Ты и такое можешь?! – риторически спросил я.

– Да, Матус, – ответила она. – Просто иногда повышенное внимание отвлекает, да и чтобы тебя не волновали лишними вопросами.

Я благодарно встретил взор фиалка Вероники и больше изумился тонкой заботе, чем акту колдовства и умения. Конечно, приход в мою жизнь знаний о нём внёс масштабные перемены, но к сему моменту я почти свыкся с существованием магии.

Вадо пунктуально и верно ждёт, остановившись около ворот. Садимся, завязалась лёгкая беседа. Скоро мы выехали за город и привычным путём направились к Веронике. Погода всё так же радуется осенним теплом.

Служащие дома на внеочередных выходных, как сообщила Вероника – она отпустила. Поэтому весь громадный дом с участком в нашем распоряжении. Я вновь восхищённо оглядываю массивное строение из тёмно-серого камня, со специфическими потемнениями от столетий жизни. Встречает нас величественное крыльцо парадного входа, но всё же всегда, словно уменьшенное вдвое. Замки и дворцы – больше имения Исинн минимум в пару раз, а здесь ближе к особняку. Но стрельчатые окна и контрфорсы добавляют именно замково-дворцовой изюминки. Зал приёмов вообще из прошлой эпохи утончённой роскоши, что проявлена также садом, дорожками для прогулок и статуями разномастных существ. Гаргульи среди них не самые страшные. Мы остановились у старинного фонтана.

– Любуешься, словно в первый раз, – с улыбкой отметила хозяйка.

– Ещё буду, – пообещал я, – всё такое полное истории и смысла.

– Я рада, что дом тебе нравится. Может прогуляемся, а делом потом займёмся?

Вадо с отеческой улыбкой взирает на нас.

– Хочется, но я же всё время буду возвращаться мыслями к нему, – рассмеялся я.

– Тогда – только вперёд! – провозгласила Вероника, делая приглашающий жест.

Поблагодарив дядю Вадо, мы двинулись в дом, а я вспомнил, как девушка утром сделала жест

из пальцев. Спросил.

– Знаешь, Матус, – отвечает Вероника, а мимо с торжеством и степенностью плывёт роскошная обстановка имения, – в последнее время что-то много стало колдовства. Почти всю среднюю школу и год в старшей, я не использовала его. Это просто замечание, что с появлением тебя, многое поменялось.

Я с устрашённым видом взглянул на магистра, но в шутку, ведь любому понятно, что никак не влияю на магические токи.

– А сегодня пришлось потому, что твоя мама крайне эмоциональная натура, чуть не спровоцировала схватки.

Я даже рассмеялся от распирающего восторга.

– Спасибо, Вероника! Это она в меня... тьфу, я в неё такой. Ха-хах, – пуще прежнего рассмеялся я.

Спасительница, отсмеявшись со мной, говорит:

– Не за что, Матус. А почему не спросишь – кто будет?

– О! Вот это да! Ты и это знаешь... но стой, пока не говори! Сейчас...

Я решил угадать и зажмурившись, перед мраморной лестницей, взялся представлять маму с животом. Ничего такого не пришло, а вот бегающую по лужайке девчущку увидел. Лужайка похожа на ту, что нарисована над кроватью в императорском номере в Живице.

– Девочка! – озвучил я.

– Правильно, – хихикнула Вероника и мы начали подъём. – Конечно, Ансельме пока не надо рассказывать, но из-за моего вмешательства, её врождённые способности будут проявлены. Она станет магом, Матус. Ты не будешь сердиться за это?

Я растерялся. Всё же магию воспринимаю, как чуждое человеку. Но моё восхищение и доверие, испытываемые к Веронике – безграничны. Поэтому говорю:

– Нет. Может даже это судьба.

Девушка слегка удивлённо посмотрела и произносит:

– Спасибо, а то уже не знала, как сообщить. Просто магия может в начале доставлять некоторые неудобства семье.

Я простодушно рассмеялся, отвечая:

– Да всё хорошо, маминой и нашей с папой любви хватит на это, да и ты, надеюсь, примешь участие.

Девушка вдруг зарделась. Мы уже дошли, поэтому настало время для иных бесед.

Комната Вероники осталась за спиной, а мы вошли в тайную – и операторскую, и надёжное хранилище. Сегодня, девушка-магистр хочет познакомить меня с коллекцией, бережно хранящейся в стеклянных шкафах – каждый артефакт по отдельности. И, как я уже заметил,

многие пустуют, а значит Трисмегисту предстоит большая работа.

– Матус, – начала говорить Вероника, вдруг обретя внушительную серьёзность и глубокий тёмный взгляд, – сейчас я хочу продемонстрировать возможности артефактов, их пока пять, включая найденный недавно в храме. Нужно понимать, что это очень опасные вещи. Маги, порой посвящали целую жизнь создавая один единственный и ты можешь представить на что он способен. Итак...

Первым выбрали меч – более понятная мне вещь. Твёрдую форму и образ, ему придают не материалы, а строго воля создателя. Путём наложения колоссального количества заклинаний и свёртывания их в жгуты, удалось получить очень сильный артефакт. Вероника говорит, что атакуя им, не будешь знать преград. Он разрубает любую материю, часто нарушая атомарные связи и предметы просто растворяются, превращаясь в газ и пыль, в последствии. Ввиду столь ужасных возможностей, оружие хранится в специальных ножнах, тоже созданных магией.

Второй и третий артефакт – единая композиция, но хранить следует отдельно. Кольцо с прозрачным камнем и колье. Они нужны для получения грандиозных объёмов энергии, но вытягивают её из окружающего пространства. Может получится, что вокруг использовавшего, останется лунный пейзаж на метры, а то и десятки. Артефакты на самый крайний случай.

Четвёртый – цепь из серебра или белого золота, выполненная из тонкой проволоки. Звено с миндалину. Длинной не более метра. Вероника, показывая её, с печалью усмехнулась:

– В прошлом, цепи против магов пользовались большим спросом. Среднего оператора, практически невозможно держать под стражей, без наблюдения другого оператора. Вопрос всегда стоял в силе. Ежели у преступника больше – рвал. И тогда один великий чародей, служивший императору, создал её – универсальную, правда только одну. Выясняя возможности цепи, я чуть было не лишилась сил. Это мой первый артефакт, найденный в императорском дворце. Отец именно тогда запретил заниматься подобным.

Она рассмеялась случаю, а я следом, хотя и разделяю в чём-то мнение Георга.

– Если сковать мага этой цепью, лучшим решением для него будет – сидеть спокойно. Вырываясь, применяя заклинания, он истратит всю силу, которую цепь преобразует в тепло. Как ты понимаешь, особо ярые ещё и ожоги получают. Её первичная форма, короткая – для удобства, но стоит потянуть, – рассказывает девушка, показывая эффект – цепь вдруг стала удлиняться. Звенья делятся, как клетки в живом организме, – и она примет любую требуемую длину.

Также Вероника рассказала о способах фиксации и снятия – практически любой человек может это сделать, слегка потренировавшись. Я с очередной порцией удивления и впечатлений, проводил артефакт взглядом, пока девушка укладывала на место.

Мы перешли к пятому шкафу. Со слов хозяйки коллекции, здесь лежит самый впечатляющий, в плане возможности применения, артефакт. Внешне – это равносторонняя коробочка из красного дерева, искусно украшенная филигранной резьбой. Внутри встроен хрустальный шар, хранящий светящийся туман, играющий всеми цветами радуги. Меня околдовало это зрелище. Смотреть на мерцающий, живой туман можно до бесконечности.

Вероника дала насладиться зрелищем и перелила его в левую руку. Туман взялся окутывать кисть, а потом впитался. На моих глазах, почти мгновенно, Вероника стала Агнией:

– Ну как, Матус, – раздался голос сестры Сапы, – впечатляет?

Оглушенный невероятным эффектом, я протянул руку пощупать – реальность ли, вдруг иллюзия.

– Только учти, что чувствовать буду я, а не Агния, – в лёгком смущении, сказала девушка.

Это вывело меня из аута, а Вероника вдруг приняла образ Кремнии, потом Сапы, Дмитрия... Я уже весело и живо встречаю новый облик, сильно удивляясь таким метаморфозам.

– Ну вот, – проговорила магистр уже своим голосом и вернувшись в привычный образ, – такова его сила. Правда управлять трудно. Весьма сложное изобретение одной гениальной колдуньи. Часть её души обитает в нём, – поясняет Вероника, переливая туман обратно, – и я слышу её. Любит поболтать.

– Я не смог сразу уловить смысл, когда ты назвала их минами, а теперь понимаю. Воистину, попади нечто подобное в руки детей или обиженному человеку, может произойти трагедия. После снятия проклятия будем искать артефакты!

– Спасибо, Матус, всё как ты сказал, – кивнула девушка и мы прошли к столу, вновь заняв кресло и стул. – Впервые очередь нужно раскрыть истоки проклятия и деактивировать его.

– Узрев всё это, – показал я головой на содержимое шкафов, – нет сомнений, что преуспеем.

– И как же связаны артефакты и разбор всего кода заклинания? – усмехнулась Вероника, не уловив в моём дилетантском утверждении суть.

– Очень просто, – в продолжении простаковатых суждений, отвечаю я, – ты можешь исследовать суть таких сложных предметов, значит и проклятие не устоит.

– Приятно слышать, Матус, постараюсь оправдать твою веру, – произнесла Вероника, сопроводив слова лёгкой улыбкой.

Девушка выдвинула деревянный ящик встроенный в стол и достала деревянное колечко. Похоже на то, что было на Веронике недавно, но гораздо тоньше и темнее.

– Возьми его, лучше даже сразу надень, – протянула изделие Вероника. Я взял, подивившись мягкости рук девушки и ледяному, будто из стали, колечку.

Оно маленькое, потому пробую на мизинец, хотя и хотел на средний.

– Погоди... – остановила девушка и взяв мою правую руку, надела кольцо на средний – подарок вдруг расширился.

– Это ключ от комнаты, – смущенно пояснила она, а я покраснел от сходства процесса с другим. – Правой будешь открывать – ручка поддастся. И ещё, запомни на всякий случай слова: “В раскрытых ладонях – света исток!” Это для дяди Вадо, отправишь либо сообщением, либо позвонишь. Он будет у твоего дома как можно быстрее и отвезёт сюда.

Я ошалело смотрю на девушку, не понимая зачем это всё.

– Понимаешь, ничего нельзя утверждать стопроцентно. Может произойти непредвиденное, и поэтому я прошу тебя носить кольцо и запомнить слова.

– А что за “непредвиденное”? – спросил я, потянувшись за смартфоном, чтобы всё записать.

- Ну-у...- замялась Вероника, - пока лучше и не предполагать, это предосторожность.

- Ладно! - вынырнул я из омута смутных страхов и серьёзности. - Я записал. Если что, примчусь сюда, возьму всё имеющееся, кроме куба преображения, и пойду крушить врагов, хе-хе.

У Вероники, словно тонкая прозрачная стенка лопнула, - глаза приняли привычный живой пламенеющий фиалковый цвет и она рассмеялась. Так и закончилось моё знакомство с суровым, холодным миром магии. Впечатления настолько тревожные, что я готов пожать руку всем тем, кто увёл Империю с этого пути. Моя, ещё не родившаяся, сестра понесёт бремя этой силы, сроднее вероникиному, так что нужно запастись терпением и силой, чтобы оградить её от соблазнов и опасностей. Впрочем, как и Веронику.

За единственным окном медленно истаивает день, а вечный его спутник - вечер, плавно окрашивает мир в жёлтые тона заката. Мы залюбовались величественным действием. Спустя минуты, Вероника произносит:

- Может в "Золото Симфонии" съездим?

- В тот ресторан, где ещё был уединённый балкон? - уточнил я.

- Да, ты кушать хочешь?

- Очень! - охотно признался я, особенно от воспоминаний кухни Золота. - Всё впечатляющее окружение твоей комнаты, так и норовит пробудить голод. Вероника заливисто рассмеялась:

- Да уж, Матус, вяжешь ты причинно-следственные связи особым образом. Я, кстати, останусь на пару ночей в Золоте Симфонии, пока папа не вернётся.

В голову ворвалась безумная идея и я давай выталкивать её, словно быка. Но где я, а где бык, поэтому:

- Может у нас погостишь? - огласил я, испытывая гамму противоборствующих чувств, что даже лоб вспотел.

Девушка блеснула огоньком в глазах.

- А можно?

- Если бы я отказал и об этом узнала мама, то выгнала бы меня не то что из дома - за пределы Симфонии, - серьёзно заявил я.

Мы давай хохотать и помимо одной радости - младшей, грудь полнит старшая сестра - осознание, что два дня Вероника будет жить у нас дома.